

Деловые партнеры

№2 (24) август-сентябрь 2012

bizpartners.ru

Редакционно-информационное издание

ГОСТЬ НОМЕРА
Григорий Буймистряк:
**«Наукоёмкое предпринимательство в России:
не благодаря, а вопреки»**

Заниматься наукоёмким производством в России непросто. Особенно, когда ты стремишься реализовать не только продукт, но и не менее важное – идею. Однако есть люди, которых такая «задача максимум» совершенно не пугает.

Григорий Буймистряк: «Наукоёмкое предпринимательство в России: не благодаря, а вопреки»

Фото: Павел Пантин

Заниматься наукоёмким производством в России непросто. Особенно, когда ты стремишься реализовать не только продукт, но и не менее важное – идею. Однако есть люди, которых такая «задача максимум» совершенно не пугает. Более того, она их стимулирует. После часовой беседы ничуть не сомневаюсь, что именно к таким людям относится директор КБ Приборостроения «ПНППК-Интел-Системы», доктор технических наук, вице-президент Торгово-промышленной палаты Кронштадта **Григорий Буймистряк**.

— Я чуть было не спросила: что заставляет Вас заниматься бизнесом в России... Наверное, это не совсем правильная формулировка. Благодаря чему Вы не просто живёте в своей стране, но и благополучно в ней выживаете?

— Для меня это вопрос нравственно-политический. И уже потом — имеющий отношение к бизнесу. Давайте попытаемся рассмотреть наукоёмкое предпринимательство в разных средах за рубежом. Совсем недавно я провёл неделю в Австралии, в Сиднее, очень внимательно изучал всё, что обеспечивает бизнесу его востребованность и благополучие... Инфраструктура, под-

держка государства, причём реальная. Не на словах, когда какой-то фонд в России возник, но совсем не значит, что он кому-то помог, кроме каких-то «своих» структур. Есть принципиальные отличия.

Или возьмём, например, Сингапур в те времена, когда на посту премьер-министра был Ли Куан Ю. Сингапур стал страной под номером один в области передовых технологий. Ему как премьеру удалось добиться, чтоб чиновники (о взятках там почему-то речь вообще не шла) «из кожи вон лезли» для привлечения инвестора — надёжного, перспективного, который бы благодаря их «заманиваниям» пришёл в Син-

гапур. Обеспечивали все условия: воду подключали, согласовывали пакет документов, наделяли землёй... А теперь скажите: хоть один российский чиновник это делает? В принципе – нет. Например, наше предприятие ежегодно с 2007 года, по приглашению Администрации Кронштадта, подаёт все документы в Стройкомитет Петербурга на выделение в Кронштадте участка земли площадью 0,5 га для особо чистого наукоёмкого оптико-электронного производства. И ежегодно получаем отказы Стройкомитета — по надуманным причинам, как-то: запрашиваемый участок — пустырь — относится к объектам культурного наследия и т.п.

Как говорится, комментарии излишни. Здесь позиция другая: спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Ваш бизнес, вот как хотите, так и выживайте. Поэтому понятно: сегодня бизнес в России выживает не благодаря, а вопреки.

По-прежнему многие уезжают из страны. Один из моих друзей-коллег, Алексей Тихомиров, реализует свой бизнес в Аделаиде, в военно-морских силах Австралии, разрабатывает в военно-морской лаборатории те же датчики, но уже для ВМС США, для Сан-Диего. Что говорить, уехало большинство моих коллег, тех, с кем учились, работали когда-то, заседали в научно-технических советах. Я тогда стал молодым кандидатом наук (в 28 лет), это было время начала 90-х. Один из них, Тимур Палташев, был проректором по науке в атомном образовательном центре Петербурга. Я его спросил: «Тимур, как твои дела? Ведь в штатах — кризис, заводы остановились...». Он ответил: «У нас есть специальная программа по поддержке наукоёмкого производства, заказы поступают от самого государства. Если же ты нуждаешься в кредите, банковская ставка составляет всего 0,25% годовых». Сами понимаете, он там может выжить. Но это классическая схема: там, где легче, туда и уходим.

— Григорий Яковлевич, так что же заставляет таких, как Вы, оставаться здесь?

— Проще всего было бы объяснить на примере бойца Сухова. «Тебя сразу пристрелили или помучились?» Так вот, я предпочитаю помучиться (смеётся). А если серьёзно, да, хотелось бы заниматься делом, желательно без излишних мучений, без затрат дополнительной энергии, которую можно потратить с куда большей пользой. Но я не могу не признаться, что не хотел бы тепличных условий, созданных кем-то чужим. Так сказать, прийти на готовое. Это не есть интересно. Я хотел бы адаптироваться там, где родился. Это можно сравнить со стремлением преодолеть себя, преодолеть среду, упорно созидать. Нужно учиться находить плюсы даже там, где их, на первый взгляд, не может быть. Как говорил Карнеги, «если вам достался лимон, постарайтесь сделать из него лимонад».

Конкурентность среды в России по наукоёмким технологиям, не побоюсь сказать, в разы ниже, чем на Западе. Именно потому, что здесь не создаётся для реализации подобного рода предпринимательства практически никаких условий, желающих идти в такое дело — единицы. Кроме того, русскому человеку на Западе редко удаётся то, что мы называем своим делом. Как правило, он действует не самостоятельно, а примыкает к родственникам, компаньонам и т.д. Среди своих многочисленных западных знакомых я не могу припомнить никого, кто оказался бы там на первых ролях. В лучшем случае — на вторых. Про нас там говорят: «Русские нам не враги, но и не друзья».

— Вам льстит такая характеристика, или она Вас расстраивает?

— Нет, скорее оставляет некий осадок в душе. Возвращаясь же к нашему разговору, скажу, что в силу ли воспитания, привыкания к победам ещё школы... Вторые роли — не для меня. Есть такая поговорка: второй — это первый среди проигравших. Причём ты там будешь вторым не по уму, а по деловому положению, по статусу. Деловая репутация там оценивается конкретными цифрами. Да! Прямо в балансах экономических заложена. К примеру, ты приходишь за кредитом в банк, достаёшь соответствующие бумаги, в которых прописано, что твоя деловая репутация оценивается в 5000000 \$. Предпринимательство — это постоянное перетекание не только идей и технологий, но и денег.

Может, кто-то сочтёт сказанное мной за «фантастику», но я уверен, что существует связь с той землёй, где ты родился и вырос. Это некое взаимодействие не только с ныне живущими близкими, но и с ушедшими. Когда уезжаешь в ту же Австралию, в которую 20 часов лету, некую оторванность особенно чувствуешь. Как будто чего-то не хватает, у творческих людей это особенно ощущается. Я бы не раз мог там остаться, но кто я там? Почему-то, когда я смотрю на выхолощенный Запад, у меня возникает ощущение, что остаться там — это «примазаться» к чужому успеху. Не мой дед, не мой отец всё это создали. Это создали чужие люди. Я не могу прийти и сказать: «А можно я тут...» Я тут — что? Женщи-

не такое, может быть, ещё простится. Но мужчине — нет! Мужчина должен — у себя, дома, здесь созидать. И так, чтобы не хуже, чем у немцев. И чтобы немцы приехали к нам в Питер и сказали: «О-о-о, как у вас тут хорошо! А можно мы у вас тут поживём и поработаем?» Вот — назначение. У творческих людей, кроме поесть, поспать, есть ещё личностная потребность самовыражения. Вот она-то и оказывает в нужный момент решающее значение. Ведь все разумное стремится к совершенству и добру.

— Это на уровне идеологии. что касается конкретно вашего предприятия...

— Если у тебя есть заключение экспертной группы, что твоя продукция не хуже западной и ты можешь в достаточной степени обеспечить ею отечественный рынок, на уровне законодательной инициативы может вноситься поправка на таможенный тариф. В результате чего на импортную аналогичную продукцию в 3-5 раз будет увеличена пошлина. Это — своего рода защита. Разумеется, при вступлении в ВТО ситуация изменится далеко не в лучшую сторону. В Индии, к примеру, более 40% малых и средних предприятий после вступления в ВТО просто исчезло. Только про это почему-то никто нам не говорит. А ведь в Индии тоже и трудолю-

«Я хотел бы адаптироваться там, где родился. Это можно сравнить со стремлением преодолеть себя, преодолеть среду, что-то делать, строить, скажем, в условиях Заполярья. Нужно учиться находить плюсы даже там, где их, на первый взгляд, не может быть»

Фото: Павел Пантин

бивые, и умные люди живут. Там же бунт был, правительство сменилось из-за этого. Что понятно: люди без работы остались, а 40% — это очень много, это почти половина. Помимо внешних факторов в России раздолье рейдерам. Незабываемый 2004-й год, когда рейдеры захватили наше успешно работающее предприятие. Милиция и прокуратура не вмешивались: дескать «это споры хозяйствующих субъектов». Через год в судах и комиссиях мы полностью доказали обратное. Но урон нашему развитию велик...

— Похвалите же уже свою продукцию. Уже не знаю, как ещё об этом спросить (смеёмся оба). Даже я знаю, что вы производите какие-то чуть ли не волшебные датчики, которые работают в совершенно немислимых условиях: при высочайших и очень низких температурах...

— Волоконно-оптические измерительные приборы, датчики, они у нас предназначены для работы именно в экстремальных условиях. Повышенное давление, температура, радиация и так далее — всё это наша забота, наша технология. Кроме того, они не просто должны работать в этих условиях, они должны длительный срок работать. Например, атомный реактор сейчас должен не менее шестидесяти лет эксплуатироваться. Вот и датчики должны служить примерно столько же. Взять гидроэлектростанцию с встроенной плотиной. Если «заклини-

ло» датчик, что её — теперь разрушать из-за этого?! Отраслей множество, тех, что характеризуются жёсткими условиями эксплуатации и нуждаются в датчиках повышенной надёжности.

— В России много предприятий, которые могут гордиться производством таких датчиков?

— В 90-годы государство деньги вообще не вкладывало в науку, а у частного предпринимателя не было денег на должное переоборудование, большинство предприятий работает на том, что осталось с тех времён. Поэтому, к сожалению, даже красивые идеи реализуются топором, а не скальпелем. Получается? Получается. Местами даже не плохо. Работать может, но тех самых условий жёсткой эксплуатации такая продукция не выдерживает. Получается дороже, но менее надёжно. Точность хромает, что для измерительных средств недопустимо. Опираясь на последние достижения нашей науки, мы применяем самые новые технологии. Работаем в постоянном контакте и с Академией наук, и с ведущими профилирующими вузами, тщательно следим за достижениями в оптоволоконной, лазерной, молекулярной технологиях. Изготавливаем датчики (сенсоры) с помощью специальных лазеров, с применением фемтосекундной обработки, — совершенно новая технология. Такого раньше не было. Все знают, что лазер воздействует и что-то там плавится... Это каменный

век. Новые технологии имеют мощность пента-Ватты, это 0^5 Ватт. То есть за время, измеряющееся фемтосекундами (это 0^5 секунды), и происходит взаимодействие с веществом. Происходит оно так, что мы формируем сенсорные структуры в оптическом волокне, не разрушая самого волокна, сохраняя его целостность и тем самым прочность. Это — достижение. Мы используем мультифотонное фемтосекундное взаимодействие лазерного излучения с веществом, также являющееся новейшим открытием. Таким образом, в основе датчика оказывается не израненный, а максимально целостный исходный материал. В результате датчик выдерживает миллионы воздействий. Если же обрабатывать волокно обычным лазером, результат будет многократно хуже. Плюс ко всему мы наносим на датчик специальные покрытия — и защитные, и функциональные, например, методом молекулярных технологий — методом, так называемого молекулярного наслаивания. Мы производим целый ряд датчиков (в основном, для атомной промышленности) с нанопокрывтием, имеющим самую высокую адгезию материала, например, оксида титана к кварцевому оптоволокну. Мы поняли, что все другие методы нанесения покрытий: вакуумное, ионное напыление — это всё не держится. Простите за выражение, отваливается. Молекулярное нанесение — другое

дело, там связь ковалентная: молекула к молекуле. Ничем не оторвать, датчик практически неразрушаем. В тех сложных условиях эксплуатации для заказчика он оказывается самым надёжным. Можно купить американский, но, во-первых, цена будет совсем другая, а во-вторых, вы можете получить запрос типа: докажите, что ваше предприятие никак не связано с оборонными заказами России. Самое новое в Америке — для самой Америки, но не для России. Мы же поставляем свою продукцию, причём без всяких ограничений. Военным ли, для флота... Молекулярные, инфракрасные фемтосекундные технологии — это самые последние достижения, которые нам удаётся применять. Других примеров такого применения в России в данной сфере я не знаю. Мы не просто что-то перепродаём, мы этими технологиями владеем — сами. Сейчас один из наших заказчиков — Газпром. Однако их посещала мысль купить датчики у канадцев. Но что получилось? Канадцы уже ставили под Волгоградом всего 500 метров трубопровода на волоконных датчиках. Мало того, что это стоило ровно в три раза дороже, чем у нас, но и вся информация о состоянии трубопровода, которая накапливается в приборе, нашему Газпрому оказалась просто недоступной. Канадцы сказали: «Вы эту информацию присылайте нам в Канаду, мы обработаем и вам пришлём состояние

безопасности ваших трубопроводов». Дошло до службы безопасности Газпрома. Как так? Наши трубопроводы в ведении иностранцев. Мы не знаем об их состоянии, а они знают. Всё ли они нам скажут или только то, что захотят? Так было принято решение: от подобных «услуг» отказаться, искать отечественных производителей. Получилось, что нас. Да, это плюс — то, что мы действуем по российским законам. А канадские законы канадцев по отношению к нам ничем не обязывают. И эксплуатационные расходы по сравнению с Западом у нас минимальны. Те же канадцы сказали: неделя пребывания в России командированного из Канады стоит 30000\$. У нас же — 30000 рублей. Чувствуете разницу? Иногда газовики пытаются экономить, понадеявшись на «авось обойдётся». Но обходится не всегда. В Волкове в декабре 2008 года, к примеру, на трассе «Северного потока». Огромные камни-плавучие, оставшиеся с ледникового периода, всплыли, и магистральный газопровод взорвался! То же и у ядерщиков: после Фукусимы только оптоволоконно спасает ситуацию. Там же в течение трёх недель никто не знал, что творится. Всё на АЭС было обесточено, и премьер-министр Японии выступал с потерянными лицом. А волоконные датчики не требуют электропитания, там свет удалённо — до 300 км без электропитания — опрашивает волоконно-оптические датчи-

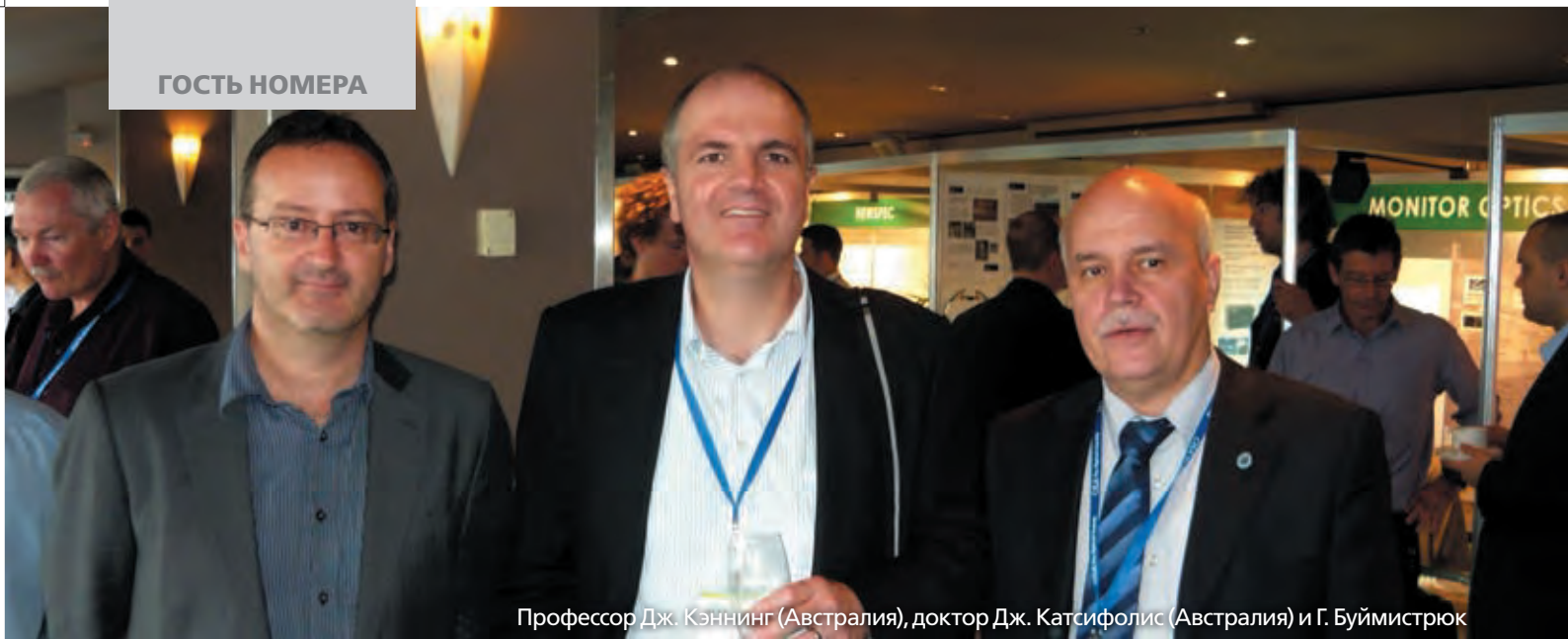
ки, а контролируют не на Фукусиме, а в аппаратной в Токио. Аналогично — у нас в России — Калининская АЭС на расстоянии 300 км от Москвы.

— Ваши технологии запатентованы?

— Частично — да, частично мы используем их как ноу-хау. Я уверен, что предприниматели не должны пренебрежительно относиться к патентованию. Мол, всё равно «передерут», всё равно будут пользоваться. Дескать, патентовать — зря только деньги тратить. Якобы, это работает только за рубежом, а у нас — нет. Я вам приведу пример, когда Ижевский радиозавод «позаимствовал» конструкцию телеметрии у Владимирского завода. Однако владимирцы свои достижения не поленились и запатентовали. Обратились в патентный суд, который не так, как обычные суды (по году иной раз), дела решают, а в течение месяца. Эксперты сделали заключение: да, заимствовано один к одному. Решение судьи: обязать ижевский завод отдать владимирцам всю прибыль, полученную за полтора года использования их конструкции. Получилось полтора года бесплатной работы. А не было бы патента...

— У вас на сайте указано: выполнение работ по внедрению передовых технологий... Чего стоит в нашей стране такое внедрение?

— Любое нововведение требует

Профессор Дж. Кэннинг (Австралия), доктор Дж. Катсифолис (Австралия) и Г. Буймистряк

больших усилий. Ему часто сопротивляются не потому, что оно плохо, просто из-за непонимания. Не зная сути, люди не понимают, что нововведение им же обеспечивает решение их проблем. Непонимание, инертность, привычка делать по-старому... Первое, что я делаю в работе с коллегами по отрасли, — узнаю об их проблемах. И начинаю разговор примерно так: мы не деньги пришли с вас брать, мы пришли решать проблемы вашей фирмы, отрасли. Умный человек всегда заинтересуется, задаст встречный вопрос: «Решить? Как?» Так мы и объясняем, что именно за счёт применения волокна можно решить их проблему самым лучшим, оптимальным по всем параметрам, образом. Включая финансы. И только когда мы людей убеждаем, у них появляется желание сотрудничать. Внедрение нововведений — это, прежде всего, большая просветительская работа. Это почему трудно? Нужно реализовать то, что у тебя в голове, найти силы и деньги, да ещё и убедить тех, для кого, по сути, ты всё это делаешь. В атомном образовательном центре в Петербурге на Аэродромной, 4 есть один «двигатель прогресса», мой давний друг Александр Михайлович Орлов, он руководитель цикла по всем инновационным технологиям. Он собирает слушателей — начальников, инженеров из разных отраслей именно для волоконно-оптического ориентирования. Я там читаю лекции. Учебник у меня вышел, другие книги готовятся к изданию... После таких лекций люди уходят с чётким пониманием: что? зачем? для чего? почему? Эти люди уже сами являются вдохновлёнными про-

водниками новых технологий. Приезжая к себе на предприятие, будь то атомная станция или горнохимический комбинат по захоронению ядерных отходов, они знают, как можно ситуацию надёжно контролировать. В том числе и там, где много проблем, скажем, радиоактивного характера. Подготовленные специалисты уже не только не сопротивляются внедрению новых приборов, но и сами агитируют за их применение. Без «своих людей» трудно чего-либо добиться. За границей очень много всяких обществ, технических, научных, которые постоянно ведут просветительскую работу, приглашая на обучение потенциальных заказчиков.

Мы также выделили на нашем предприятии 100 квадратных метров под выставочный павильон, посетив который, человек может понять, как именно работают наши приборы. И благо, что ещё есть у нас общественные подвижники. К таким я безусловно отношу генерального директора ТПП Кронштадта — Владимира Ричардовича Шиманского — своим активным трудом объединяющего предпринимателей для решения проблем.

— **В ближайшее время планируются мероприятия образовательной направленности?**

— В питерском ЦИПК Росатома в начале октября состоится очередной обучающий семинар по передовым волоконно-оптическим технологиям (www.atomprof.spb.ru). Мы расскажем о своих проектах, которые уже внедрены в конкретных отраслях. То есть речь пойдёт не только о теории, что сегодня очень распространено, а непосредственно о практике. Важно,

что на семинаре планируется обсудить не только положительный опыт применения, но и отрицательный. Мы всё покажем, обсудим... Если есть интерес рассказать о своих успехах или неудачах, приглашаем потенциальных заказчиков — нефтяников, гидротехников, железнодорожников, атомщиков, которые ищут: а где реальные внедрения, которые можно было бы у себя применить. Только так и можно развиваться, формировать рынок. Есть масса институтов, которые могли бы в этом поучаствовать. К примеру, ЛенГидроПроект, где вообще не знали, что волокно можно использовать для измерения. Некоторые из наших проектных вузов, к сожалению, до сих пор пользуются разработками 30-40 годов прошлого века. Когда я сделал у них доклад, они спросили: ну а где это применяется у нас? В гидротехнике у нас — нигде, Саяно-Шушенская ГЭС это показала. Тогда где? Отвечаю: река Даугава возле Риги: Плявинская ГЭС. На что седовласые мужи говорят: а мы её проектировали в советские времена, мы её строили, и что там? Отвечаю: швейцарская фирма поставила там 5000 волоконных датчиков. Получается: рядом есть, у нас — ни на одной из станций. Сразу заинтересовались... Бурейская ГЭС, Зарамагская ГЭС...

Прогресс определяется видением того, чего раньше ты не мог и предположить. Как говорил основатель одноимённой японской корпорации Мацусита, «не надо спрашивать у человека, чего он хочет: покажите ему готовый продукт, и он скажет, что именно его он и хочет».

Я в равной степени заинтересован

как продвижением производства, так и продвижением науки. В чём значимость таких семинаров? Трудно осваивать новшества, работая с каждым отдельно, в разных частях света. Когда же единомышленники собираются вместе, эффективность общения усиливается во сто крат. Ведь они общаются не только с передовиками-докладчиками, но и между собой. Это редкая возможность обменяться практическими и теоретическими знаниями. Тут будут представители отраслей, которые заинтересованы в продукции, тут будут сами разработчики и производители. И тем и другим дадим возможность высказаться, всё, что нужно, объяснить. У каждого — свой интерес. Так мы сокращаем переход от научной разработки к практике.

Есть сборник повестей Евтушенко, называется «Ягодные места». Там высказывается такая мысль: прогресс — это гений плюс заказчик; а без заказчика все, даже самые гениальные идеи так и погибнут, как неизвестные солдаты в траншеях мозговых извилин. Нить Ариадны — тот клубок, что она дала, чтоб из лабиринта вывести, — это же волокно оптическое! Волокно идеально для контроля за безопасностью сложных систем. В нашем теле есть нервы, которые передают: тут больно, тут горячо... Волокно же, условно говоря, является основой нервной системы контроля за безопасностью. В том числе и за безопасностью техногенной. У нас всё время что-то взрывается. Волокно даёт импульсы оптически безинерционно, это как скорость света. У нас усложняется жизнь, строятся мосты, высотные здания. В Москве принят закон: ни одно высотное здание больше 22 этажей не должно быть принято без системы мониторинга на волокне. В Европе существует стандарт, норма: ни один ледовый дворец, или просто рынок, или аквапарк не может быть сдан без системы контроля волоконной оптикой. Почему? Все остальные приборы требуют электропитания, заземления, присутствия человека — постоянно, а не раз в квартал... В то время как сейчас мы можем реализовать 10000 датчиков, проходящих по одному волокну. А электронно для этого потребуются заполнить проводами, кабелями приличного размера комнату. Во-

локно-оптическая система контроля — вне конкуренции. Миниатюрная и гибкая, она встраивается в любые конструкции: полимерные, металлические, бетонные. Сами измерения и контроль не должны приносить опасность. Раньше были случаи, когда сам электронный датчик контроля становился причиной взрыва газопровода. Волокно безопасно. Ростехнадзор относит его к кварцево-полимерной изоляции. В одной из своих книг я писал, что впервые подобного рода устройства применил наш русский инженер Чикалёв. В Петербурге, на пороховых складах на Охте. Их нужно было освещать, а какое электричество рядом *«Любое нововведение требует больших усилий. Ему часто сопротивляются не потому, что оно плохо, просто из-за непонимания. Не зная сути, люди не понимают, что нововведение им же обеспечивает решение их проблем»*

с порохом? Как рванут эти бочки... В результате Чикалёв провёл волокно и вполне безопасно освещал. Это было ещё в конце 19 века.

— **Вы награждены медалью «За заслуги в предпринимательстве». Что вы понимаете под такими заслугами?**

— Тут, наверно, уже не ко мне вопрос, а к коллегам из Торгово-промышленной палаты.

— **Хорошо, тогда так спрошу: заслуги — это то, к чему человек стремится. В данном случае совпали — Ваши стремления и чья-то оценка?**

— Для меня это очень большая награда. Признание моих научных работ за рубежом, это — одно, а признание на Родине практических дел — уже несколько иное. Поддержание ростков наукоёмкого производства в наших жёстких условиях дорогого стоит. Я всё делаю для того, чтобы свершилась ещё одна революция. Помню, сидящие на поздравлении представители Смольного вздрогнули. Ничего себе, мы его тут награждаем, а он... Поясняю: речь о революции интеллектуальной. Была революция аграрно-ремесленная. Потом — индустриальная, постиндустриальная. Была информационная...

Теперь настал этап интеллектуальной революции. Это революция, при которой мы, наконец, перейдём к передаче и использованию знаний. Не только между субъектами предпринимательства, науки, но и между властью и народом. Если все будут обо всем знать, то и конфликтов не будет. Речь не о дезинформации, не о данных каких-нибудь, а о знаниях чистых, настоящих знаниях. Если такая интеллектуальная революция состоится, это будет благо и для промышленности, и для науки, и для образования, и для общества. Возникнет понимание. То, за что сейчас власть на всех уровнях борется. Общество станет не только прогрессивным, но и бесконфликтным. Конфликт — это всегда трагедия чья-то, а трагедия возникает только из-за непонимания. Человек не понимает и может стать врагом твоим. Вот почему в науке я всех просвещаю.

Могу вам под занавес такую историю рассказать. Когда-то я был аспирантом, а аспиранту что главное? Изобретения. Я защищался в московском институте космических исследований. Изобрёл новый прибор. Эксперт отказывается в признании и всё. Дескать, такого быть не может. Как не может быть? Приезжайте, я вам всё покажу. А тот упирается: нет и нет. Руководитель госэкспертизы подсказала: да ваш эксперт — вполне нормальный человек, я дам вам его телефон, встретитесь, объяснитесь. Мы встретились. Приехали на скамеечку у какого-то памятника. Он фуражку кладёт и говорит: «Ну, рассказывайте про вашу ерунду, я всю жизнь занимаюсь радиооптикой, того, что вы изобрели быть не может». Я взял и «по-народному», просто и доходчиво ему разъяснил, как работает новый прибор. Вдумайтесь: взрослый человек, подполковник, вдруг от радости подпрыгнул на полметра вверх и говорит: «Вы знаете, я сейчас любому могу объяснить, как ваш прибор работает!» Счастливый, он понял! Это очень важно — понимать...

Россия, Санкт-Петербург,
Политехническая, д. 22, корп. 19
(812) 458-44-95, (812) 906-45-65
Сайт: www.consensfusion.ru
Э-почта: BGY812@nail.ru